

Лев Поэтический

16+

СЕНТЯБРЬ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАКОНЧИЛСЯ

ПОМНИМ
СКОРЕЙШЕ
БЕСЛАН
01.09.2004

Посвящается памяти детей, родителей, учителей,
спасателей и всех, чьи жизни навсегда разделились

на «до» и «после» Беслана

Лев Поэтический

Сентября который не закончился

«Автор»

2026

Поэтический Л.

Сентября который не закончился / Л. Поэтический — «Автор»,
2026

1 сентября должно было стать обычным школьным утром. Праздничная линейка, дети, родители, музыка и планы на новый учебный год. Но для Беслана этот день стал началом трагедии, которую невозможно забыть. Эта книга — о трёх днях, когда школа перестала быть местом детства. О детях, оказавшихся заложниками, о родителях, которые ждали у школьных стен, о тех, кто рисковал собственной жизнью ради спасения других, и о тех, кто домой уже не вернулся. Это не книга о цифрах. За каждой цифрой было имя, за каждым именем — семья, за каждой семьёй — целая жизнь. Нельзя изменить то, что произошло 1 сентября 2004 года. Но можно помнить. Потому что тот сентябрь закончился для календаря. Но для многих он не закончился никогда.

© Поэтический Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последнее мирное утро	5
Глава 2. Первое сентября	7
Глава 3. Те, кто просто пришёл в школу	9
Глава 4. Линейка	12
Глава 5. Когда праздник закончился	15
Глава 6. Второе утро	18
Глава 7. Утро третьего сентября	21
Глава 8. Спасение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лев Поэтический

Сентября который не закончился

Глава 1. Последнее мирное утро

Утро 1 сентября 2004 года ничем не обещало стать последним.

Беслан просыпался так же, как и каждый год в начале осени.

На улицах становилось больше людей. Родители спешили вместе с детьми. В руках — цветы. На детских плечах — школьные рюкзаки. Новая форма ещё пахла магазином, белые рубашки казались слишком чистыми для обычного школьного дня.

Кто-то нервничал.

Кто-то радовался.

Кто-то не хотел снова вставать рано.

А кто-то впервые шёл в школу.

Для взрослых 1 сентября было привычным днём.

Для детей — началом нового года их маленькой жизни.

Никто не знал, что для сотен семей этот день станет последним утром, когда они увидели своих детей живыми.

Школа №1 Беслана готовилась к торжественной линейке. На школьном дворе собирались ученики, родители и учителя. Дети стояли рядом со своими классами, держали цветы, разговаривали, смеялись.

Всё было так, как и должно быть первого сентября.

Празднично.

Шумно.

По-детски.

В такие моменты взрослые обычно думают о будущем.

О том, каким будет учебный год.

О контрольных.

О новых учителях.

О том, как ребёнок будет учиться.

О том, кем он станет через десять или двадцать лет.

В тот день никто не мог представить, насколько коротким окажется будущее для некоторых из этих детей.

Во время торжественной линейки в школе находилось большое количество людей. Позже официальные материалы МЧС укажут: в результате захвата заложниками оказались 1128 человек — преимущественно дети, их родители и сотрудники школы.

Но пока этого числа не существовало.

Были только люди.

Девочка, поправляющая белый бант.

Мальчик, которому родители несколько раз напомнили не потерять букет.

Учитель, который в последний раз проверял, все ли дети рядом.

Мама, которая смотрела на своего ребёнка и думала, что вечером они снова будут дома.

Обычные мысли.

Обычные люди.

Обычный день.

И именно поэтому память о Беслане до сих пор начинается не с выстрелов.

Она начинается с цветов.

С белых рубашек.
С школьного двора.
С детского смеха.
С первого звонка.
Потому что страшнее всего понимать:
они не знали.
Никто не знал.
Никто утром не проснулся с мыслью:
«Сегодня моя жизнь разделится на до и после».
Люди просто собирались в школу.
Как делали это тысячи раз до них.
И как миллионы детей продолжили делать после.
Только для Беслана этот день оказался другим.
Около школьного двора появились вооружённые люди.
Праздник закончился.
Началось то, что навсегда изменило город.

1 сентября 2004 года школа №1 была захвачена во время торжественной линейки, посвящённой началу учебного года. В течение двух с половиной дней заложники находились внутри заминированного здания.

Но в первые минуты люди ещё не знали, чем всё закончится.
Наверное, именно это и есть самое страшное в любой трагедии.
Она никогда не приходит с табличкой:
«С этого момента всё изменится».
Она просто входит в обычный день.
И забирает его.
У Беслана было своё последнее мирное утро.
У детей были свои последние улыбки.
У родителей — последние спокойные разговоры.
У школы — последние минуты, когда она была просто школой.
А дальше начался сентябрь, который для многих уже никогда не закончился.

Глава 2. Первое сентября

Первое сентября всегда немного похоже на начало новой жизни.

Даже если ты уже не первоклассник.

Даже если ты знаешь эту школу вдоль и поперёк.

Даже если впереди снова контрольные, домашние задания и ранние подъёмы.

В этот день всё равно кажется, что впереди что-то новое.

В Беслане было так же.

Утром дети шли к школе в нарядной одежде. В руках — цветы. На плечах — рюкзаки. Кто-то держался за руку мамы, кто-то шёл рядом с отцом, кто-то уже самостоятельно проби-
рался среди толпы знакомых лиц.

Родители фотографировали детей.

Хотелось сохранить этот день.

Первый класс.

Новый класс.

Новый учебный год.

Новую фотографию в семейном альбоме.

Обычную фотографию.

Ту, на которую потом смотрят через годы и говорят:

«Вот здесь он ещё маленький».

«А здесь она впервые пошла в школу».

«Посмотри, какой он был счастливый».

Никто не фотографирует последний обычный день.

Потому что никто не знает, что он последний.

Школьный двор постепенно заполнялся.

Дети разговаривали.

Учителя занимали свои места.

Родители старались стоять поближе к своим детям.

Кто-то поправлял воротник.

Кто-то завязывал расстегнувшийся бант.

Кто-то просил ребёнка улыбнуться для фотографии.

И всё это было настолько обычным, что никто не мог представить: совсем скоро этот двор
станет местом, которое страна будет вспоминать не как место праздника, а как место одной из
самых страшных трагедий.

На торжественной линейке звучали слова о начале учебного года.

Для первоклассников этот день должен был стать первым школьным воспоминанием.

Для выпускников — одним из последних первых сентября.

Для учителей — началом ещё одного учебного года.

Для родителей — просто утром, когда они привели детей в школу.

У каждого была своя маленькая причина оказаться там.

И никто не думал о том, что у этого утра появится другая дата внутри памяти.

Не «1 сентября».

А:

«До Беслана».

И

«После Беслана».

Позже официальные материалы МЧС укажут, что захват школы №1 произошёл именно во время торжественной линейки, посвящённой началу учебного года. В заложниках оказались 1128 человек.

Но в тот момент никто ещё не думал цифрами.

Никто не видел перед собой 1128.

Перед собой люди видели детей.

Своих.

Чужих.

Просто детей.

Маленьких.

Больших.

Весёлых.

Испуганных.

Тех, кто хотел поскорее домой.

Тех, кто мечтал встретиться после каникул с друзьями.

Тех, кто впервые переступал школьный порог.

И, возможно, именно поэтому Беслан невозможно воспринимать только как историческую дату.

Потому что история иногда прячется за очень простыми вещами.

За букетом цветов.

За школьной формой.

За фотографией.

За детским рюкзаком, который вечером должен был оказаться дома.

Но многие рюкзаки в тот день домой не вернулись.

Некоторые родители больше никогда не слышали:

«Мам, я пришёл».

Некоторые больше никогда не поправили ребёнка воротник.

Не спросили про оценки.

Не ругали за разбросанные вещи.

Не пожелали спокойной ночи.

И всё это началось с утра, которое ничем не отличалось от тысяч других первых сентября.

Пожалуй, в этом и заключается одна из самых страшных сторон Беслана.

Не было предупреждения.

Не было времени подготовиться.

Не было возможности понять:

сейчас заканчивается обычная жизнь.

Она просто закончилась.

А вместе с ней закончилось детство для тех, кто пережил эти дни.

И жизнь для тех, кто из школы уже никогда не вышел.

На школьном дворе ещё продолжалась линейка.

Ещё звучали голоса.

Ещё были цветы.

Ещё кто-то улыбался фотографу.

Ещё кто-то думал о том, что вечером расскажет дома, как прошёл первый учебный день.

И никто не знал, что этого вечера для многих семей уже не будет.

Потому что где-то совсем рядом приближалось то, что разделит историю Беслана на две части.

До.

И после.

Глава 3. Те, кто просто пришёл в школу

У каждого человека, оказавшегося утром 1 сентября возле школы №1, была своя жизнь.
Своя семья.
Свои привычки.
Свои маленькие мечты.
Кто-то хотел стать врачом.
Кто-то — учителем.
Кто-то мечтал о море, хотя никогда его не видел.
Кто-то просто хотел поскорее закончить школу.
Дети вообще редко думают о больших вещах.
Им важнее другое.
С кем сидеть за одной партой.
Кто будет классным руководителем.
Получится ли встретиться после уроков.
Что положили в рюкзак.
И можно ли сегодня после школы пойти гулять.
Именно поэтому то утро было таким обычным.
Они не шли навстречу истории.
Они шли в школу.
Кто-то с родителями.
Кто-то с друзьями.
Кто-то впервые.
Кто-то уже много лет.
Возможно, многие дети даже не хотели вставать рано.
Кому-то хотелось ещё поспать после каникул.
Кто-то мог жаловаться на жару.
Кто-то переживал из-за нового класса.
Кто-то радовался встрече с друзьями.
В этом и была жизнь.
Настоящая.
Обычная.
Без пафоса.
Без предчувствия.
Дети не знали, что взрослые вокруг них тоже ничего не знают.
Что через совсем короткое время привычные слова «школа», «линейка» и «первое сентября» будут звучать иначе.
Что фотографии этого утра станут для некоторых семей последними фотографиями их детей.
Что школьная форма, которую родители выбирали с такой заботой, однажды станет частью воспоминания, от которого будет невозможно дышать.
Но пока всё было иначе.
Пока родители смотрели на детей и улыбались.
Пока учителя готовились начать учебный год.
Пока звучали праздничные слова.
Пока вокруг стоял обычный шум.
Наверное, невозможно описать человека только одним словом — «жертва».
Потому что до трагедии он был сыном.

Дочерью.

Братом.

Сестрой.

Другом.

Учеником.

Внуком.

Человеком, который любил мороженое, боялся контрольных, спорил с родителями, смеялся над глупыми шутками и строил планы на следующий день.

Поэтому, когда мы говорим о Беслане, важно помнить не только количество погибших.

Важно помнить, что за каждой цифрой стояла отдельная жизнь.

Отдельная семья.

Отдельная история.

Официальные данные МЧС говорят о 1128 заложниках. В результате трагедии погибли 334 человека, среди них 186 детей.

Но даже эти цифры не способны передать масштаб человеческой боли.

Потому что 186 — это не просто число.

Это 186 имён.

186 семей.

186 пустых мест за столом.

186 историй, которые могли продолжиться.

И сколько бы лет ни прошло, невозможно вернуть этим детям их завтрашний день.

И всё же у того утра есть одна важная особенность.

Они были не героями.

Не символами.

Не цифрами из учебника.

Они были детьми.

И они просто пришли в школу.

У одного ребёнка мог быть новый пенал.

У другого — тетради с чистыми страницами.

Кто-то получил рюкзак ещё в августе.

Кто-то до последнего спорил с родителями, какую одежду надеть.

А кто-то, возможно, уже представлял, как после линейки встретится с друзьями.

Всё это кажется мелочами.

Но именно из таких мелочей и состоит жизнь.

Мы понимаем их ценность только тогда, когда они исчезают.

Пожалуй, поэтому память о Беслане должна начинаться именно с детей.

Не с оружия.

Не с цифр.

Не с политических заявлений.

А с их лиц.

С их улыбок.

С их обычных планов.

С того, что они должны были вечером вернуться домой.

Должны были рассказать родителям, как прошёл первый день.

Должны были открыть новый учебник.

Должны были снова поспорить с братом или сестрой.

Должны были вырасти.

Влюбиться.

Ошибиться.

Поступить в университет.

Найти работу.

Создать свои семьи.

Прожить жизнь.

Но иногда у человека отнимают не только сегодняшний день.

У него отнимают все дни, которые могли бы быть после него.

И именно это невозможно забыть.

На школьном дворе продолжался праздник.

Ещё звучала музыка.

Ещё улыбались люди.

Ещё дети держали цветы.

А где-то совсем рядом уже приближались минуты, после которых этот двор никогда больше не будет восприниматься прежним.

Пока ещё никто не знал, что через несколько мгновений праздник закончится.

Пока ещё никто не знал, что впереди будут часы ожидания.

Ночи.

Страх.

Надежда.

Слёзы.

И вопрос, который потом будет звучать в домах Беслана снова и снова:

«Почему?»

Но пока было утро.

Первое сентября.

Школа.

Дети.

И жизнь, которая ещё продолжалась.

Всего несколько минут.

До того момента, когда всё изменилось.

Глава 4. Линейка

На школьном дворе было тесно.

Дети стояли рядом со своими классами. Взрослые находились неподалёку. Кто-то разговаривал с соседями, кто-то искал глазами своего ребёнка, кто-то пытался сделать ещё одну фотографию.

Обычная школьная суета.

Та самая, которую потом вспоминаешь с улыбкой.

Когда всё закончилось, многие наверняка даже не вспомнили бы, о чём говорили в те минуты.

Кто опоздал.

Кто забыл цветы.

Кто слишком громко смеялся.

Кто стоял не на своём месте.

Обычные мелочи.

Но именно они потом стали частью памяти.

Праздничная линейка продолжалась.

Для первоклассников всё вокруг было большим и немного непривычным.

Большая школа.

Много людей.

Новые лица.

Громкие голоса.

Для старшеклассников — почти привычным.

Они уже знали, как проходит первое сентября.

Знали, где стоять.

Знали, сколько примерно продлится линейка.

Знали, что после неё начнётся новый учебный год.

Казалось, всё было предсказуемо.

Но жизнь иногда меняется не постепенно.

Иногда ей хватает нескольких минут.

В то утро никто не мог знать, что эта линейка станет последней для сотен людей.

Никто не думал о том, что обычные школьные фотографии станут последними.

Что праздничная одежда будет лежать потом в домах, где уже не будет детского голоса.

Что цветы, которые дети держали в руках, окажутся рядом с местами памяти.

История ещё не началась в том смысле, в котором мы знаем её сегодня.

Она просто происходила.

Здесь.

Сейчас.

Среди детей.

Среди родителей.

Среди учителей.

А потом появились они.

Вооружённые люди.

Праздник оборвался.

Началась паника.

Люди ещё не успели понять, что именно происходит.

Кто-то пытался уйти.

Кто-то искал ребёнка.

Кто-то кричал.
Кто-то просто застыл на месте.
За несколько мгновений пространство, которое ещё недавно принадлежало детям, превратилось в место страха.
Школа была захвачена.
Людей стали загонять внутрь.
Позже этот момент будет описан в официальных документах как начало захвата заложников.
Но для тех, кто находился там, это не было историческим событием.
Это была реальность.
Страшная.
Непонятная.
Настоящая.
Детям было трудно понять происходящее.
Для ребёнка взрослый с оружием — это не часть истории.
Это просто человек, которого страшно видеть.
Ребёнок не думает категориями терроризма.
Он думает иначе:
«Где мама?»
«Где папа?»
«Почему мы не можем уйти?»
«Когда нас отпустят?»
«Мы сегодня пойдём домой?»
И, наверное, самым страшным вопросом было именно это:
«Мы сегодня пойдём домой?»
Некоторые дети могли ещё верить, что всё закончится быстро.
Что взрослые сейчас что-нибудь сделают.
Что родители придут.
Что школа снова станет школой.
Что можно будет выйти во двор.
Что вечером они будут дома.
Человеческий мозг цепляется за привычное даже тогда, когда привычного уже почти не осталось.
Вскоре люди оказались внутри школы.
Начался захват заложников.
Внутри находились дети, родители и сотрудники школы.
Всего, по данным МЧС, в заложниках оказались 1128 человека
Сегодня это число можно произнести за несколько секунд.
Но попробуйте представить 1128 человек в одном месте.
1128 судеб.
1128 семей.
1128 домов, где в тот день ждали возвращения своих близких.
И у каждого внутри была одна и та же надежда:
это закончится.
Нужно только пережить этот день.
Нужно только дождаться помощи.
Нужно только продержаться.
Нужно только вернуться домой.
Но никто тогда не знал, сколько времени им ещё предстоит ждать.

Снаружи оставались те, кто не попал внутрь.
Родители.
Родственники.
Жители города.
Люди, которые приехали узнать о своих близких.
Они смотрели на школу и пытались понять, что происходит.
Информация была обрывочной.
Слухи распространялись быстрее правды.
Каждый телефонный звонок становился надеждой.
Каждое движение возле школы заставляло людей всматриваться.
Кто-то спрашивал:
«Детей выпустят?»
Кто-то отвечал:
«Конечно».
Потому что хотелось верить.
Потому что другого ответа просто не существовало.
А внутри начиналось ожидание.
Первый час.
Второй.
Третий.
И никто ещё не знал, что впереди будут не часы.
Будут дни.
Первое сентября продолжало идти по календарю.
Но для Беслана время будто остановилось.
Праздник закончился.
Школьный год так и не начался.
И вместо первого звонка наступила тишина, которую город запомнит навсегда.

Глава 5. Когда праздник закончился

Ещё несколько минут назад это был школьный праздник.
Дети держали цветы. Родители смотрели на них. Учителя улыбались. Кто-то фотографировал происходящее, стараясь сохранить в памяти начало нового учебного года.
А потом всё изменилось.
Без предупреждения.
Без времени на то, чтобы понять происходящее.
Вооружённые люди ворвались на территорию школы.
Крики смешались с шумом.
Люди начали двигаться в разные стороны.
Кто-то пытался найти своего ребёнка.
Кто-то схватил его за руку.
Кто-то побежал.
Кто-то застыл.
В первые секунды никто не мог осознать весь масштаб происходящего.
Человеку свойственно надеяться, что страшное сейчас закончится.
Что это ошибка.
Что сейчас всё прекратится.
Что взрослые разберутся.
Что полиция приедет.
Что дети окажутся дома.
Но страшное не закончилось.
Людей начали загонять в здание школы.
Праздничный двор, который ещё недавно был наполнен детскими голосами, опустел.
Цветы остались на земле.
Где-то могли лежать забытые вещи.
Рюкзаки.
Ленты.
Школьные принадлежности.
Следы обычного утра.
Только обычного утра уже не существовало.
Для тех, кто оказался внутри, начались часы, которые невозможно было измерять обычным временем.
Первый час казался бесконечным.
Потом второй.
Потом третий.
Люди пытались понять, что происходит.
Дети искали глазами родителей.
Родители старались держать детей рядом.
Учителя пытались сохранять спокойствие, хотя сами боялись не меньше остальных.
Внутри школы находились сотни людей.
Много детей.
Слишком много детей.
По официальным данным МЧС, всего заложниками стали 1128 человек. Захват продолжался около двух с половиной суток.
Два с половиной суток.
Для обычного человека это просто промежуток времени.

Шестьдесят часов.
Но попробуйте представить эти часы для ребёнка.
Ребёнка, который утром пришёл на праздник.
Который должен был несколько часов спустя вернуться домой.
Который не знал, почему нельзя уйти.
Не знал, когда увидит маму.
Не знал, будет ли завтра.
Возможно, кто-то ещё верил, что вечером всё закончится.
Что сейчас откроется дверь.
Что взрослые скажут:
«Всё хорошо. Пойдём домой».
Но вечер пришёл.
А дверь не открылась.
Наступила ночь.
И впервые дети должны были заснуть не дома.
Не в своей кровати.
Не под одеялом.
Не рядом с родителями.
А в школе, которая за несколько часов превратилась из места учёбы в место заключения.
За стенами оставались родители.
Они ждали.
Некоторые стояли возле школы.
Другие пытались получить хоть какую-нибудь информацию.
Телефоны не замолкали.
Каждая новость могла стать спасением.
Каждый слух мог оказаться ложью.
Но люди продолжали ждать.
Потому что пока человек ждёт — он надеется.
Даже когда надежда становится почти невозможной.
Первый день постепенно уходил.
Над городом наступал вечер.
Где-то люди возвращались домой.
Где-то накрывали на стол.
Где-то дети готовили школьные вещи к следующему дню.
А в Беслане родители не знали, что будет утром.
Они не знали, увидят ли своих детей.
Они просто стояли и ждали.
Иногда ожидание страшнее ответа.
Потому что пока ответа нет, в голове остаётся всё.
И надежда.
И страх.
И самые ужасные мысли, которые человек пытается от себя отогнать.
В ту ночь Беслан почти не спал.
Не спали родители.
Не спали родственники.
Не спали те, кто должен был помогать.
И, конечно, не спали многие из тех, кто оказался внутри школы.
Для кого-то эта ночь была первой.
И последней.

Первой ночью в плену.
И последней ночью жизни.
Но тогда никто ещё не мог знать, сколько людей не увидят рассвет.
Город просто ждал.
Школа просто стояла.
А календарь продолжал отсчитывать время.
2 сентября приближалось.
И вместе с ним начинался второй день.
День, который ещё мог закончиться спасением.
По крайней мере, люди продолжали в это верить.
Потому что пока ребёнок находится внутри школы, родители не имеют права перестать надеяться.
Даже если надежда причиняет боль.
Даже если страх становится сильнее.
Даже если сердце уже понимает то, чего разум ещё не хочет принимать.
Они ждали.
Потому что дети должны возвращаться домой.
Так должно быть.
Всегда.

Глава 6. Второе утро

Утро пришло, хотя казалось, что ночь не закончится никогда.
Для большинства людей утро 2 сентября было обычным утром.
Кто-то просыпался и собирался на работу.
Кто-то провожал ребёнка в школу.
Кто-то включал новости, чтобы узнать, что происходит в Беслане.
Но для тех, кто находился внутри школы, это было другое утро.
Оно начиналось там же, где закончился предыдущий день.
В том же здании.
С теми же людьми.
Только теперь все уже понимали:
это не на несколько минут.
И не на один вечер.
Они всё ещё были заложниками.
Снаружи продолжали ждать родители.
Они почти не отходили от школы.
Каждый новый разговор, каждый звонок, каждая информация могли изменить всё.
Люди пытались узнать хотя бы что-нибудь о своих близких.
Сколько людей внутри?
Что происходит?
Есть ли вода?
Есть ли возможность передать лекарства?
Когда их отпустят?
Вопросов становилось всё больше.
Ответов почти не было.
Самое страшное в ожидании — неизвестность.
Когда человек знает, что произошло, он хотя бы понимает, с чем ему приходится жить.
А когда не знает — воображение начинает делать это за него.
И родители представляли своих детей.
Кто-то представлял, как ребёнок сидит рядом с друзьями.
Кто-то думал, что он плачет.
Кто-то верил, что ребёнок спокоен.
Кто-то убеждал себя:
«Он обязательно вернётся».
Эта мысль могла быть единственным, что помогало прожить ещё один час.
Внутри школы люди продолжали находиться в тяжелейших условиях.
Сотни человек были заперты в здании.
Среди них было огромное количество детей.
Для ребёнка время устроено иначе.
Пять минут ожидания могут казаться часом.
А сутки — вечностью.
Наверное, некоторые дети продолжали спрашивать:
«Когда нас отпустят?»
И взрослым приходилось отвечать.
Даже если они сами не знали.
«Скоро».
Иногда человек говорит «скоро» не потому, что уверен.

А потому, что хочет дать надежду.
В тот день надежда была почти таким же необходимым воздухом, как вода.
За пределами школы жизнь города продолжалась.
Но это была уже другая жизнь.
Беслан словно разделился на тех, кто мог свободно ходить по улицам, и тех, кто ждал у школы.
Люди приносили воду, продукты, лекарства.
Кто-то пытался помочь родственникам.
Кто-то просто приходил постоять рядом.
Потому что иногда человеку нечего сказать.
Можно только быть рядом.
И ждать.
Новости о происходящем распространялись по всей стране.
Люди в других городах включали телевизоры и смотрели на Беслан.
Они видели школу.
Видели людей возле неё.
Видели родителей.
Но экран никогда не способен передать то, что чувствует человек, стоящий в нескольких десятках метров от места, где находится его ребёнок.
Телевизор можно выключить.
Можно уйти в другую комнату.
Можно сказать:
«Я больше не могу это смотреть».
А родители Беслана не могли выключить происходящее.
Для них это была не новость.
Это был их ребёнок.
Время шло.
Первый день сменился вторым.
А освобождения всё не происходило.
При этом оставалась надежда на мирное разрешение ситуации.
Люди продолжали ждать переговоров и возможности вывести заложников.
Каждый новый час воспринимался как ещё один час, который дети выдержали.
Но одновременно — как ещё один час, который им пришлось провести внутри.
К вечеру усталость становилась всё сильнее.
Для детей особенно.
Они должны были в этот день учиться.
Должны были сидеть за партами.
Делать записи в тетрадях.
Слушать учителя.
А вместо этого второй день подряд оставались пленниками в собственной школе.
И где-то в памяти всё ещё мог оставаться вчерашний праздник.
Белая рубашка.
Цветы.
Линейка.
Мама.
Папа.
Первое сентября.
А теперь — ожидание.
Ночь снова приближалась.

Вторая ночь.
И никто не мог знать, что следующий день станет последним днём захвата.
Но пока он ещё не наступил.
Пока была ночь.
Пока дети были внутри.
Пока родители стояли снаружи.
Пока люди продолжали верить, что всё закончится.
И именно поэтому 2 сентября нельзя вспоминать только как «второй день».
Это был ещё один день, когда родители ждали своих детей.
Ещё один день, когда дети ждали своих родителей.
Ещё один день, когда все надеялись на одно и то же:
чтобы дверь школы открылась — и из неё вышли все.
Все.
Без исключения.
Но история уже шла к утру 3 сентября.
И никто ещё не знал, каким оно будет.

Глава 7. Утро третьего сентября

Третье сентября пришло незаметно.
Ещё один рассвет.
Ещё одно утро, которого родители ждали с надеждой.
Два дня прошли внутри школы.
Два дня дети находились там, где должны были провести всего несколько часов.
Два дня родители стояли снаружи и пытались узнать хоть что-нибудь.
Теперь оставалось только ждать.
Но ждать становилось всё тяжелее.
Люди устали.
Дети устали ещё больше.
Время перестало ощущаться обычным временем.
Каждый час казался отдельным испытанием.
Каждая минута могла изменить всё.
К этому моменту уже было ясно: мирное разрешение ситуации не состоялось.
Но надежда всё ещё оставалась.
Потому что пока дети находятся внутри, человек будет надеяться до последнего.
Даже тогда, когда надежда становится почти невозможной.
Утро начиналось тревожно.
Вокруг школы продолжали находиться люди, готовые помогать.
Спасатели ждали возможности забрать тела погибших заложников.
Это было страшное и одновременно необходимое ожидание.
Казалось, что даже смерть здесь должна была ждать своей очереди.
Около 12:40 удалось договориться об эвакуации тел погибших.
Примерно в 12:55 к школе начали выдвигаться сотрудники МЧС. ([МЧС России](#))
Никто из них не мог знать, что через несколько минут всё изменится.
Снова.
Навсегда.
Внутри школы люди продолжали ждать.
Кто-то мог смотреть на часы.
Кто-то держал рядом ребёнка.
Кто-то уже почти не разговаривал.
Иногда страх становится настолько большим, что слова просто перестают иметь значение.
Остаётся только ждать.
И держать рядом того, кого любишь.
Наверное, именно так родители и сидели рядом со своими детьми.
Не зная, что сказать.
Потому что невозможно подобрать правильные слова для ребёнка, который уже третий день находится в плену.
Нельзя сказать:
«Не бойся».
Потому что страшно.
Нельзя сказать:
«Всё скоро закончится».
Потому что никто не знает.
Можно только быть рядом.

Если рядом вообще ещё можно было быть.
В 13:05 в школе прогремели взрывы.
И мир снова изменился за несколько секунд.
Произошло обрушение части крыши спортзала.
Люди внутри бросились искать выход.
Начался хаос.
Заложники стали выбегать из здания.
Снаружи к школе устремились те, кто мог помочь.
Спасатели.
Военнослужащие.
Родители.
Обычные люди.
Никто уже не думал о том, кто должен это делать по инструкции.
Когда рядом ребёнок, который пытается выбраться из горящего здания, человек просто бежит к нему.
Спасать.
Выносить.
Поднимать.
Отводить.
Держать за руку.
В этот момент между «спасателем» и «родителем» почти не оставалось различий.
Все хотели одного.
Чтобы дети вышли.
Живыми.
Как можно больше детей.
Снаружи было трудно понять, что происходит.
Крики.
Дым.
Люди.
Машины.
Выстрелы.
Бегущие дети.
Взрослые, которые пытались найти своих близких.
И среди всего этого — родители, которые смотрели на выход и искали знакомое лицо.
Каждая выбежавшая фигура могла стать надеждой.
Каждый ребёнок мог оказаться твоим.
Каждый взрослый мог принести весть.
И в этом хаосе люди продолжали искать глазами своих.
Потому что даже в самые страшные минуты мать ищет своего ребёнка.
Отец ищет своего ребёнка.
Брат ищет сестру.
Сестра ищет брата.
Человек ищет человека.
Спасатели тоже шли туда, откуда другие пытались выбраться.
Они знали, насколько опасно это было.
Но продолжали работать.
3 сентября при спасении заложников погибли сотрудники МЧС Валерий Замараев и Дмитрий Кормилин. Позже они были посмертно награждены за мужество. ([МЧС России](#))
Они приехали не за наградами.

Они приехали спасать.
Их задача была простой только на бумаге.
Найти живых.
Вытащить их.
Помочь.
И вернуться.
Но вернуться смогли не все.
Внутри школы продолжалась борьба за жизнь.
Снаружи родители продолжали ждать.
И в какой-то момент стало понятно:
это уже не просто освобождение заложников.
Это спасение тех, кого ещё можно спасти.
Каждая секунда имела значение.
Каждый человек, которого удавалось вывести, становился маленькой победой.
Но рядом с этой победой была боль.
Потому что не все смогли выйти.
Не все смогли дождаться этого утра.
Не все увидели своих родителей.
Не все родители увидели своих детей.
И именно в этот день надежда впервые начала смешиваться с пониманием того, что случилось непоправимое.
Беслан больше никогда не станет прежним.
Но пока люди ещё бежали к школе.
Пока из здания выводили детей.
Пока спасатели продолжали работать.
Пока родители продолжали искать.
Ещё оставалась одна самая важная мысль:
может быть, мой ребёнок жив.
И пока человек может сказать это себе, он будет искать.
До последней секунды.
До последней двери.
До последнего имени.
До последнего ребёнка.
Да. И дальше буду **одной цельной страницей: только номер и название главы,**
затем сплошной текст — без внутренних разделителей и подзаголовков.

Глава 8. Спасение

Когда начались взрывы, никто уже не мог ждать.

Всё произошло слишком быстро.

Люди бросились к выходам. Кто-то пытался выбраться сам. Кто-то искал ребёнка. Кто-то помогал тем, кто не мог идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.